
СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ КНР В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

И.И. Арсентьева

Кафедра востоковедения
Читинский государственный университет
ул. Алек-Заводская, 30, Чита, Россия, 672039

В статье рассматривается стратегия обеспечения национальных интересов КНР в глобализирующемся мире. Также характеризуются современное состояние и перспективы стратегического взаимодействия РФ и КНР. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в российско-китайских отношениях. Делается вывод о том, что спектр стратегического взаимодействия России и Китая в XXI столетии чрезвычайно широк, он носит не только региональный, но и глобальный характер.

В последние десятилетия Китай стремительно развивается. Благодаря проводимым реформам ему удалось из отсталой аграрной страны стать одним из экономических лидеров не только Восточной Азии, но и всего мира. По результатам сравнения экономик 146 стран, опубликованного Всемирным банком, КНР (10% от мирового ВВП) сегодня занимает второе место после Соединенных Штатов (23%).

Многие ученые и политики предсказывают неизбежный конфликт между США и КНР в XXI столетии, исходя из того, что исторически смена старого мирового лидера новым амбициозным соперником всегда сопровождается глобальными потрясениями, мировыми войнами и перекройкой карты мира.

В этом контексте уместно привести мнение Цзян Цзэмина, который в свое время подчеркивал, что сегодня ведущей силой экономической глобализации являются развитые страны Запада. Они обладают мощным экономическим и научно-техническим потенциалом, управляют международными экономическими организациями, в их руках также сосредоточена главная власть при определении правил мировой экономики. Они получают самые большие выгоды в ходе глобализации, в то время как масса развивающихся стран находится в неблагоприятном положении. Развитые государства Запада всемерно продвигают свою модель развития, свою политическую систему и свою систему ценностей. Это приводит к тому, что и экономический суверенитет развивающихся стран, и их государственная безопасность оказываются перед лицом серьезных вызовов и угроз.

Пекинский профессор Лу Ючжи пишет: «История международных отношений свидетельствует, что между новой и прежними сильными державами легко могут возникнуть конфронтация и конфликты. У поднимающихся держав, входящих в мировую систему, независимо от осознания этого, существует проблема необходимости определения заново правил, в выработке которых они не участвовали и которые не соответствуют их интересам. А старым сильным державам часто

трудно разделить с новой ту власть, которой они ранее единолично распоряжались. Поэтому в процессе стремительного осуществления Китаем модернизации теоретически есть проблема существования потенциального противника, возможность противостояния и конфронтации с Соединенными Штатами» [8. С. 553—554].

Схожие мнения высказываются и американскими аналитиками. Так, М. Свэйи и Э. Теллис отмечают, что современная внешнеполитическая стратегия КНР направлена на решение трех взаимосвязанных задач: сохранение порядка и благополучия внутри страны; защиту национального суверенитета и территориальной целостности от перманентной внешней угрозы; сохранение геополитического влияния Китая в качестве одной из ведущих стран мира. В дальнейшем, по прогнозу американских ученых, политика КНР станет более напористой: ни одна значительная региональная или глобальная проблема не сможет быть решена без учета ее национальных интересов [1. С. 115—116].

Однако пока отношения с США стоят особняком в китайской внешней политике. В КНР называют их «приоритетом приоритетов» и «важнейшими из двусторонних отношений современного мира». При этом китайская сторона активно пытается реализовать популярную в стране концепцию стратегического треугольника «Китай — США — Россия», согласно которой политическое расстояние между китайским и американским, китайским и российским «углами» должно быть ближе, чем между американским и российским.

В официальных документах и научных работах КНР в последние годы широкое распространение получила установка на «мирное возвышение» страны, что ориентирует, с одной стороны, на укрепление и усиление международного статуса Китая, с другой — на то, что происходить это должно не через конфликт и обострение отношений с мировыми центрами, а через сотрудничество, использование существующих международных механизмов, а также их реформирование изнутри в своих интересах.

Ся Липин и Цзян Сиюань отмечают, что традиционной ценностью китайской нации является стабильность, которая может быть достигнута только в контексте мирной политики. Китай заинтересован в мирных внешних условиях, поэтому способен содействовать поддержанию мира в АТР. Рассматривая возможности международного развития КНР, китайские исследователи отвергают не только военный путь, но и альянс с «руководящими странами», т.к. это может нанести вред национальному суверенитету. Процветание страны, в конечном итоге, определит не столько поддержка других государств, сколько способность КНР проводить собственную политику мира и экономического развития [1. С. 107—108].

Тем не менее некоторые китайские аналитики полагают, что в ближайшие годы нестабильность в Восточной Азии усилится. При этом Китай не заинтересован в том, чтобы образующийся вакуум заполнялся американским, японским или чьим-то еще влиянием. Поэтому в Северо-Восточной и Центральной Азии в будущем вполне вероятны различные конфликты между США, Китаем, Японией, Россией и другими государствами.

В этом плане представляет интерес работа «География национальной безопасности Китая» (Пекин, 2001). Авторы — Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань (1) —

отмечают, что сегодня границы национальной безопасности и ее пространство значительно расширились. Для характеристики этого процесса китайские ученые используют такое понятие, как «пласт» (цэн) национальной безопасности, выделяя при этом центральный пласт (собственно китайскую территорию), внутренний пласт («периферию» Китая) и внешний пласт, который «включает все, что представляет интерес для безопасности за пределами внутреннего пласта».

По мнению Е.Н. Румянцева, наибольший интерес представляет понятие «внутренний пласт». Согласно трактовке китайских авторов, внутренний пласт (нэй цэн) — район периферии, который находится за пределами центрального пласта, но тесно связан с ним. Этот район оказывает прямое влияние на безопасность центрального пласта и одновременно находится под прямым воздействием последнего. В этой связи необходимо рассмотреть еще понятие «периферия» (чжоубянь), которое часто используется китайскими учеными. Это не только географическое понятие. Помимо того, чтобы располагаться вблизи Китая, государство, включаемое в его «периферию», должно находиться под его политическим и экономическим влиянием. Поэтому Японию китайские аналитики обычно не включают в «периферию», зато иногда к ней относят Австралию [10. С. 5].

Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань акцентируют внимание на том, что многие страны, особенно великие державы, часто рассматривают внутренний пласт как «традиционную зону», которая имеет стратегическое значение для их безопасности и развития. Внутренний пласт имеет с центральным пластом географическую, экономическую, экологическую, иногда этническую связь, играет важную роль в борьбе с контрабандой, наркоторговлей и разведывательной деятельностью. Государства, которые находятся в центральном пласте, как правило, всеми силами оказывают влияние на государства из внутреннего пласта вплоть до того, чтобы держать их под контролем с помощью экономических, политических и военных мер. В трактовке китайских авторов внутренний пласт КНР включает прилегающие к ней регионы в Восточной, Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной, Центральной и Северной Азии.

На сегодняшний день Китай является влиятельным членом мирового сообщества, державой с большим экономическим, политическим, военным и духовным потенциалом, что обуславливает необходимость развития отношений добрососедства между ним и Российской Федерацией.

После распада СССР внешняя политика России переориентировалась на Запад. Ее торгово-экономические отношения с Китаем определялись главным образом деятельностью мелких компаний, «челноков», приграничным обменом. Необходимо учитывать, что Китай граничит с Россией своими наименее развитыми регионами. То же самое можно сказать о регионах России, пограничных с Китаем. Поэтому приграничная торговля рассматривается обеими странами как фактор экономического развития этих территорий. Однако в целом характер приграничной торговли на сегодняшний день более благоприятен для Китая. Правительство КНР сумело использовать приграничный бум в интересах развития северо-восточных провинций и страны в целом. В России же «власти просто проморгали этот

процесс, и он способствовал лишь обогащению группы предприимчивых дельцов и директоров некоторых государственных предприятий» [7. С. 221].

И все же, на наш взгляд, можно говорить о том, что в начале XXI столетия происходит эволюция и даже некоторая переоценка китайского фактора во внешнеполитической стратегии России. Российское руководство считает развитие отношений добрососедства, дружбы, стратегического партнерства и сотрудничества с КНР одним из своих важнейших приоритетов. Китайско-российские отношения также занимают одно из центральных мест во внешней политике КНР.

Трансформация российско-китайских отношений происходит в диалектическом взаимодействии их форм и содержания. Имеется в виду постоянная эволюция и взаимная корректировка международно-правовых параметров взаимосвязей двух стран перед лицом тех вызовов региональной и глобальной безопасности, с которыми оба государства сталкиваются в современном стремительно меняющемся мире.

Среди ключевых событий этой эволюции — подписание 16 июля 2001 г. президентом РФ В.В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Данный документ отразил реалии начала XXI в. — общее стремление РФ и КНР содействовать становлению многополярного мира. При желании, по мнению С.Г. Лузянина, в договоре можно усмотреть стремление создать полюс «глобального притяжения», противоположный США. К моменту подписания договора Россия и Китай занимали одинаково отрицательную позицию по вопросу расширения НАТО на восток, «гуманитарных» акций США и их союзников на Балканах, по проблеме целостности России (в связи с событиями в Чечне) и Китая (ввиду проявлений этнического сепаратизма в Тибете и Синьцзяне) [9. С. 320].

Однако нельзя не заметить определенной двусмысленности в отношениях России и Китая. На официальном уровне все выглядит оптимистично. Нынешнее состояние российско-китайских отношений в Москве именуют наилучшим этапом в истории двусторонних отношений, в Пекине — новой высотой.

Вместе с тем в обеих странах существуют силы, не заинтересованные в таком развитии событий и всемерно ему противодействующие. «Каждый китаец со школьной скамьи убежден, что Россия захватила, как минимум, 1,5 млн кв. км китайской территории. Тема былых российских преступлений используется при воспитании подрастающего поколения на протяжении многих десятилетий. Она культивируется в сознании китайцев под воздействием правительственной пропаганды, никогда не вызывавшей энергичных протестов ни советского, ни российского правительства» [4. С. 13].

В.И. Дятлов подчеркивает, что соседство с Китаем помогает российским регионам экономически выживать и развиваться, но одновременно формирует мощный комплекс страхов, опасений, обид, фобий, предубеждений. Они могут носить как вполне рациональный, так и нерациональный характер, но само их существование, массовость, воздействие на поведение (в том числе политическое) населения, политику региональных властей делают их самостоятельным вызовом национальной безопасности Российской Федерации [6. С. 52].

Не решен вопрос о продолжающейся «картографической агрессии» КНР против России: в Поднебесной регулярно выпускаются карты, на которых свыше 1,5 млн кв. км российской территории окрашены в цвета Китая. Полностью не изжито понятие «великая северная целина», под которой подразумеваются восточные регионы России.

Как отмечают Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко, антироссийские прозападные силы в КНР пользуются тем, что с уходом из жизни людей старших поколений постепенно «выдыхается» традиционная дружба между гражданами России и Китая. Молодые поколения, ориентированные на Запад, не наследуют дружеских чувств к России. В этой ситуации искусственно раздувается вражда, взаимное недоверие между народами, что при неблагоприятном развитии может перерасти в конфронтацию [8. С. 561].

Так, в Китае отношение к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве не было однозначно положительным (при том, что подписание документа инициировано китайской стороной). За несколько дней до его подписания в Интернете появился документ на китайском языке. В нем с перечислением двух десятков названий разных публикаций категорично утверждается, что территориальные претензии Китая к России составляют не 1,5 млн, а 5,88 млн кв. км, т.е. территорию практически всей Сибири до Урала включительно. Цзян Цзэминь объявлен «величайшим преступником, продавшим китайскую нацию», а Россия провозглашена «вековым врагом китайской нации». «Мы должны добиться обнищания России и ее непрерывных расколов».

Безусловно, данный документ — явная провокация, рассчитанная на срыв подписания договора, в первую очередь его шестой статьи, которую можно расценить как официальный отказ китайского правительства от территориальных претензий к России. Многочисленные попытки найти авторов этого документа ни к чему не привели.

Однако существуют и другие работы, где отношение к России не всегда является положительным. Например, уже рассмотренная нами «География национальной безопасности Китая». По числу упоминаний в книге Россия занимает одно из первых мест. Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань считают ее исторически главным врагом Китая. По их утверждению, в 1689 г. был подписан «равноправный Нерчинский договор», который определил границу между Китаем и Россией, однако в дальнейшем «Россия захватила более 1,5 млн кв. км китайской территории», в том числе она «захватила все пространство к северу от Великой китайской стены». Распад СССР в целом авторы оценивают положительно (хотя и отмечают, что после этого события на Западе усилилась тенденция враждебного отношения к КНР). «Из сверхдержавы Россия превратилась в державу регионального масштаба», «военная мощь России ослабла, что привело к улучшению ситуации в сфере безопасности» [10. С. 9].

Многие китайские эксперты утверждают, что нынешние отношения России и Китая можно охарактеризовать словами *вверху жарко, а внизу холодно*. Это означает, что для официальных отношений, прежде всего отношений лидеров

обеих стран, характерна необычайно теплая атмосфера, в то время как на уровне средств массовой информации из Китая в Россию и из России в Китай веет холодом.

Например, одна из самых массовых российских газет «Московский комсомолец» выпустила воскресный номер от 6—12 октября 2002 г. под огромным заголовком «Сибирь: кто остановит китайское нашествие?» Радиостанция «Эхо Москвы» 8 января 2002 г. провела опрос своих слушателей, задав им вопрос: «Что является большей угрозой для России: присутствие американских или китайских военных советников в Средней Азии?» Более 70% ответили, что китайских. И только 9% затруднились с ответом.

Газета «День» категорично продемонстрировала отношение к Китаю в одном из первых номеров, поместив статью под заголовком «Провинция Элофы». Газета убеждала читателей, что Китай намерен путем последовательного захвата российских территорий провести свою границу по Уралу.

«По некоторым данным, в ближайшие 20—30 лет на Дальний Восток и Сибирь всеми правдами-неправдами может проникнуть до 260 млн китайцев. Это примерно 20% населения Китая, которые испытывают трудности с работой и активно ищут место под солнцем.

В течение первых десяти лет китайцы «захватят» приграничные районы от Владивостока до Барнаула. Проникновение будет происходить по всей протяженности российско-китайской и, частично, российско-монгольской границ.

Но эта территория тоже не сможет «выдержать» десятки миллионов иммигрантов, и они начнут двигаться в центр страны. По самым пессимистичным прогнозам, спустя еще 10—15 лет вся Сибирь и Дальний Восток до Урала будут во власти нелегальных или полуполигальных китайских иммигрантов.

Эти процессы приведут к тому, что большая половина нашей страны превратится в китайскую провинцию Элофы («Россия» — кит.), и не исключено, что тогда наш восточный сосед решит предъявить территориальные претензии.

К тому времени, по прогнозам демографов, население России может сократиться примерно до 130 млн человек, т.е. в один далеко не прекрасный момент окажется, что выходцев из Китая на нашей территории в два раза больше, чем россиян» [4. С. 22].

При этом в газете не приведено никаких обоснований для столь категоричного прогноза. Более того, газета даже не использовала правильное название России по-китайски — Элосы. Однако нельзя отрицать тот факт, что китайская миграция (особенно нелегальная) на территорию России приобретает угрожающие масштабы и создает серьезную опасность для национальной безопасности Российской Федерации. Это признают даже китайские специалисты.

Так, эксперт отдела Европы Шанхайского института международных исследований Хуашэн Чжао не скрывает, что «в условиях увеличения численности китайского населения российский Дальний Восток с огромной территорией и малочисленным населением может стать естественным направлением миграции граждан КНР. По достижении определенного числа легально или нелегаль-

но переселившихся китайцев возникнет вероятность превышения их численности по сравнению с численностью местного населения. В этих условиях Россия может утратить контроль над Дальневосточным регионом или этот регион, возможно, будет поглощен Китаем» [5. С. 731].

Угроза национальной безопасности РФ в данном случае обусловлена разницей демографического потенциала — перенаселенный северо-восточный Китай и пустеющие Сибирь и Дальний Восток. В российских приграничных регионах происходит постоянное увеличение численности китайских диаспор. Безусловно, в современных условиях Россия не может отгородиться от остального мира, в том числе и от Китая. Следовательно, стратегическая задача России — всестороннее, комплексное развитие Сибири и Дальнего Востока.

В октябре 2004 г. состоялся визит президента РФ в КНР. 14 октября В.В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместное заявление, в котором отметили, что линия государственной границы между Россией и Китаем уже точно определена на всем ее протяжении, и это признается обоими государствами. Безусловно, это важный шаг в развитии двусторонних отношений, т.к. до этого времени во всей почти четырехвековой истории двусторонних отношений России и Китая никогда не было точно определенной линии границы, признаваемой обеими сторонами. Это позволяет развивать двусторонние отношения на более прочной основе и создает предпосылки для успешного согласования возможных направлений российско-китайского глобального и регионального партнерства.

Также в заявлении особо подчеркивается, что углубление отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем вне зависимости от каких бы то ни было изменений международной обстановки будет оставаться преимущественным направлением их развития. Отмечается значение сотрудничества двух стран в ООН, ШОС и других международных организациях в борьбе против международного терроризма, предотвращении распространения оружия массового уничтожения, нераспространении ядерного оружия, в вопросе о безъядерном статусе Корейского полуострова и др.

Ярким примером успешного поиска и создания конкретных форм и механизмов сотрудничества на основе совпадающих интересов стало подписание в Москве 1 июля 2005 г. В.В. Путиным и Ху Цзиньтао «Совместной декларации о международном порядке в XXI веке». В этом документе отражен круг совпадающих взглядов России и Китая по основополагающим вопросам современного мироустройства. В декларации очерчиваются контуры общего видения перспектив развития человечества.

Стороны подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, который должен основываться на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении миротворческой роли ООН. Россия и Китай единодушно выступают против двойных стандартов в решении международных проблем, считают недопустимыми претензии на монополию в международных делах, навязывание извне моделей общественного развития, разделение стран на ведущие и ведомые.

Важную роль в российско-китайских отношениях играет энергетический фактор. Для Пекина обеспечение энергетической безопасности, диверсификация источников поступления в страну энергоресурсов за счет активизации северного направления имеет особое значение. Еще в 1990 г. Китай был в числе мировых экспортеров нефти (он занимал шестое место в мировом табеле), однако уже в 1993 г. он превратился в нетто-импортера, а к 2010 г. станет одним из основных (наряду с США и Японией) мировых импортеров нефти.

А.Д. Воскресенский отмечает, что к 2020 г. Китай будет импортировать примерно 50—60% необходимой ему нефти и 30% природного газа. В результате с высокой долей вероятности можно прогнозировать такую ситуацию, когда КНР придется напрямую увязывать свою стратегию развития со стратегиями других государств из-за необходимости импорта энергетических ресурсов. Причем количество энергоресурсов, которое будет импортировать Китай в 2010—2020 гг., станет критическим для того, чтобы обеспечить его модернизацию и развитие [2. С. 34].

Очевидно, что это будет напрямую влиять на стратегию развития страны, на политику других государств в отношении Китая и косвенно на проблематику трансформации мирового лидерства. Ожидается, что Иран, имеющий очень непростые отношения с США, станет вторым по объемам (после Саудовской Аравии) поставщиком нефти. Кардинальным образом возрастет значение России и Центральной Азии с точки зрения поставки энергоресурсов в КНР.

Уже сегодня китайское руководство придает энергетическим проблемам первостепенное значение. Об этом свидетельствует, в частности, учреждение специальной Государственной канцелярии по нефтяным резервам, Энергетического управления в составе Госкомитета по развитию и реформам, а также создание различными заинтересованными ведомствами Государственной проблемной группы по разработке энергетической стратегии.

Таким образом, перед Китаем будет стоять задача обеспечения стабильного импорта энергоресурсов, и это станет одним из важнейших факторов его внешней политики и концепции национальной безопасности. КНР станет активным участником мировой энергетической геополитики и, соответственно, будет иметь прямой геополитический интерес в отношении Центральной Азии и северо-востока России, т.е. тех регионов, которые являются ключевыми для его энергетического развития [2. С. 34—35].

Для Пекина чрезвычайно важно, что отношения с Россией в наименьшей степени (по сравнению со многими другими его партнерами) подвержены внешнему воздействию, прежде всего со стороны США. В этом плане Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том, чтобы наша страна сохранила и упрочила статус великой державы, что служит гарантией принятия Россией независимых решений в различных сферах. КНР уже ощущает себя достаточно сильной, чтобы не бояться подъема России, опасения по поводу «угрозы с севера» давно ушли в прошлое. Слабеющая Россия — гораздо более тревожная тема для китайских аналитиков.

Помимо этого, сотрудничество с Россией является для Китая фактором поддержания геополитического баланса сил в регионе, сохранения «спокойствия на севере» и одним из противовесов американскому и японскому влиянию. Для России дружественные связи с Китаем служат одним из средств «обеспечения тыла» при пересмотре стратегии взаимодействия с Западом, а также выступают «потенциальным стержнем» азиатского азимута российской внешней политики, на который возлагают все большие надежды [3].

Однако сегодня высказываются различные точки зрения относительно того, каким образом и в каком направлении будут развиваться отношения РФ и КНР в дальнейшем. Российские ученые выделяют несколько возможных вариантов развития российско-китайских отношений в ближайшей и среднесрочной перспективе [8. С. 572—573].

1. Относительно легко достижимой является экстраполяция нынешней модели российско-китайских отношений, когда достаточно интенсивные политические контакты будут перманентно опережать уровень торгово-экономических, культурных и общественных связей. В этом случае, однако, на качестве двусторонних связей будут сказываться как нерешенные проблемы в собственно российско-китайских отношениях, так и размывающее воздействие политики основных мировых центров силы — США, Европы, Японии.

Так, директор Института исследований Азиатско-Тихоокеанского региона Шанхайской Академии общественных наук, профессор Чжоу Цзяньмин считает, что Россия переживает затяжной упадок, экономически зависит от Запада, поэтому идет в фарватере западной политики и во многом разделяет отношение Запада к Китаю.

В перспективе не исключено выхолащивание отношений доверительного стратегического партнерства или сведение их к формальным декларациям, реальное понижение места России в стратегических приоритетах Китая и места КНР в стратегических приоритетах России. В целом такой вариант чреват «ползучим» ослаблением геополитических позиций России и поэтому не отвечает ее национальным интересам.

2. Гипотетически нельзя исключать в перспективе на 15—20 лет появления в российско-китайских отношениях конфронтационных элементов. Отсутствие глубокого понимания и доверия между элитами, да и значительной частью населения обеих стран может привести к тому, что внезапное обострение противоречий по одному из нерешенных или не до конца решенных вопросов (трасса нефтепровода, миграция и т.п.) будет чревато всплеском антироссийских настроений в Китае и антикитайских — в России. Необходимо также учитывать, что определенный сегмент китайской элиты традиционно настроен по отношению к России крайне сдержанно и даже недружелюбно. Эти силы, активно поддерживаемые Западом, могут использовать эмоциональные нападки на Китай в российских СМИ и политических кругах для усиления своих позиций.

Дальнейшее совершенствование многовекторной направленности российской дипломатии и политики призвано помочь избежать такого развития собы-

тий, когда реализация перспективных целей России по сближению с ЕС и США была бы достигнута за счет «жертв» в китайском направлении.

3. Оптимальным для России сценарием является всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе достижения духовного взаимопонимания, прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран. Главные плюсы этого варианта — мощный импульс для подъема Сибири и Дальнего Востока, усиление позиций России в СВА и Восточной Азии в целом, получение нашей страной реальных выгод от глобализации мировой экономики.

Эта модель может быть реализована не сразу, а в несколько этапов. В ближайшее десятилетие акцент неизбежно должен быть сделан на осуществлении очевидных сравнительных преимуществ России (наличие энергоносителей, обширной территории, исполнение транзитных функций и т.д.), которые в полной мере могут быть востребованы Китаем.

Разумеется, данный вариант развития не является автоматически гарантированным. Он требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, взаимных уступок и учета интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыткам внешних сил играть на реальных и мнимых трениях и противоречиях между нашими странами. Необходимо учитывать и то, что по мере развития российско-китайских отношений на них будет оказывать возрастающее влияние американский фактор.

На наш взгляд, российско-китайские отношения ни в коем случае нельзя ни идеализировать, ни упрощать. Они могут быть чреватые весьма опасными конфликтами, особенно в перспективе. Однако в настоящий момент пограничные вопросы между РФ и КНР в основном решены, двусторонние отношения достаточно ровны и стабильны, и, по всем имеющимся оценкам, основной вектор военно-политических усилий Китая в ближайшие годы не будет направлен в сторону России. Используя эту ситуацию, наша страна может активизировать взаимодействие с Китаем по целому ряду аспектов, что будет способствовать укреплению ее национальной безопасности.

Российско-китайская граница — это не только геополитический рубеж, она разделяет разные экономические, демографические, социокультурные системы. Однако, несмотря на все проблемы и противоречия, Россия и Китай выступают одними из ключевых акторов обеспечения безопасности и стабильности в Восточной Азии и мире в целом. Спектр их стратегического взаимодействия в XXI столетии чрезвычайно широк, он носит не только региональный, но и глобальный характер.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Шэнь Вэйле — кадровый офицер вооруженных сил КНР, на момент издания книги являлся преподавателем кафедры стратегии Университета национальной обороны НОАК; Лу Цзюньюань, доктор наук, на момент издания книги работал в Институте (сегодня — Академии) современных международных отношений — аналитическом учреждении, которое входит в систему Министерства государственной безопасности КНР. Их книга издана в 2001 г. с грифом «для служебного пользования», однако затем (по непонятным причинам) появилась в книжных магазинах Пекина.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамова Н.А., Кучинская Т.Н.* «Китайский регион» в политическом измерении. — Чита: ЧитГУ, 2008.
- [2] *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. — М.: МГИМО, 2007.
- [3] *Воскресенский А.Д.* «Стержень» азиатского азимута российской внешней политики // Pro et Contra. — 2001. — № 9.
- [4] *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. — М.: Муравей, 2004.
- [5] *Гладкий Ю.Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
- [6] *Дятлов В.И.* Внешние миграции на востоке России как геополитический фактор // Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы: материалы международного научного семинара-совещания. — Иркутск: Иркутский межрегиональный институт общественных наук, 2004.
- [7] *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX века — начало XXI века). — М.: Восток—Запад, 2005.
- [8] *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай-Россия-2050: стратегия соразвития. — М.: Институт экономических стратегий, 2006.
- [9] *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.). — М.: АСТ; Восток—Запад, 2007.
- [10] *Румянцев Е.Н.* Геополитические идеи современного Китая // География национальной безопасности Китая: экспресс-информация ИДВ РАН. — М., 2007. — № 7 (140).

CHINA'S STRATEGY OF ASSERTING NATIONAL INTERESTS IN CONTEXT OF INTERNATIONAL SECURITY AND RUSSIAN NATIONAL SECURITY

I.I. Arsentyeva

Oriental Studies Department
Chita State University
Alex-Zavodskaya str., 30, Chita, Russia, 672039

In the article is examined China's strategy of asserting national interests in global world. Also the author describes current development and prospects of Russian-Chinese strategic cooperation. The problems of Russian-Chinese relations are emphasized. The author draws the conclusion, that the spectrum of Russian-Chinese strategic cooperation in 21th century is diversive, it has not only regional, but also global character.